

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КАВКАЗСКО-АЛБАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ

Определенно мы можем говорить о самобытной письменности Кавказской Албании с начала V в. н.э., когда, по сообщениям Корюна (V в.), Мовсеса Хоренаци (V в.) и Мовсеса Каланкатваци (VII в.), армянский просветитель и религиозный деятель Месроп Маштоц и священник и переводчик албанин Вениамин с согласия высшей светской и религиозной власти страны – царя Асвагена (Есваген) и епископа Иеремии – создали оригинальный албанский алфавит. По информации Каланкатваци, произошло это важнейшее событие «в те времена, когда императором греческим был Феодосий Младший, царем Армении – Врамшапух, царем Персии – Иазкерт, а царем Алуанка – Есвален» (18. II, 3). Это сообщение определяет временные рамки создания албанского алфавита: как известно, император Феодосий II Младший правил в 408-450 гг., шахиншах Иездигерд I – в 399-420 гг., царь Армении Врамшапух – около 387-414 гг., царь Есвален (Асваген) – на рубеже IV-V вв. То есть разработка кавказско-албанской азбуки была осуществлена в период между 408 г. (начало правления Феодосия II) и 414 г. (конец царствования Врамшапуха). Это событие, которому в ближайшем будущем исполнится 1600 лет, имело огромное культурно-историческое значение и открыло новую страницу в истории письменности Кавказской Албании. Оно ознаменовало развитие образования и письменной культуры, становление рукописной книжной культуры. Скупые, в несколько предложений, но весьма ценные сведения нарративных источников об этом событии неоднократно были в поле зрения исследователей, и я позволю остановиться на некоторых спорных моментах в интерпретации этих сообщений, носящих в некоторой степени противоречивый характер.

Среди ряда исследователей возникают определенные сомнения в оценке роли самого Маштоца в создании албанского письма. Первым эту точку зрения еще в конце XIX в. вскользь, без развернутого анализа высказал ИЛ. Окрочмеделов-Серебряков в своем докладе «Об изобретении грузинского алфавита», прозвучавшем на V Археологическом съезде в Тифлисе (1881 г.). Излагая свое мнение о том, что «... грузины были знакомы с азбукою гораздо раньше Месропа» и что «... эта азбука была мхедрули» (28. С. 225), он, в примечании касаясь свидетельства Корюна о разработке Месропом Маштоцем албанской письменности, заметил, что «он (Месроп. – М.Г.) также касается албанского алфавита, но уже не как создатель его, а как возстановитель существовавшего алфавита... Из этого усматривается, что Албания, страна менее развитая, чем Грузия, имела алфавит ... раньше Месропа» (28. С. 228. Прим. 1).

Предпринимая попытку доказать, что сведения Корюна и Мовсеса Хоренаци об изобретении Маштоцем оригинального грузинского алфавита «не заключают в себе истины» и грузинское письмо родственно «зендскому пехлеви» (ср.: 24; 33. С. 90-101; 34. С. 59-71; 39. С. 1-92; 40. С. 82-93), ИЛ. Окрочмеделов-Серебряков, в частности, отмечал: «Такое совершенство инструмента (для выражения фонетического состава грузинского языка, т.е. алфавита. – М.Г.) указывает, во-первых, на его глубокую древность и на то, что над ним работал длинный ряд анонимных тружеников обладавших таким умением анализировать звуки, и, во - вторых, на то, что такой анализ не мог быть произведен чужестранцем, притом не знавшим языка, каким является Месроп» (28. С. 228. Прим. 1).

Спустя 85 лет почти такой же аргумент привела А.Г. Периханян, которая, задаваясь вопросом «мог ли Маштоц выступать в качестве непосредственного изобретателя грузинской и албанской письменностей», отвечала: «На этот вопрос а priori можно дать отрицательный ответ. Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык,

нельзя свести к «буквотворчеству» – это большой и сложный процесс, включающий, прежде всего, выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения, так как собранные таким образом сведения никак нельзя считать адекватными для подобного предприятия. Гораздо реальнее и важнее в этом плане упоминания у Корюна и Моисея Хоренского привлеченных Маштоцем лиц – грузина Джалая (Jalay), которого Хоренский характеризует как «переводчика армянского и греческого языков», и албанца Вениамина» (30. С. 126-127).

Такое видение вопроса послужило поводом для заключения последующих исследователей, что Месроп Маштоц «не мог играть значительной роли в создании албанской письменности», что сведения источников на этот счет сомнительны (см., напр.: 23. С. 103, 105). И эта тенденция в оценке личности армянского просветителя в последнее время приобретает некоторую популярность, прежде всего, в азербайджанской историографии и албанистике.

Однако, как представляется, здесь мы имеем явное преуменьшение, умаление значения Маштоца в процессе создания кавказско-албанской письменности и недоверие к информации древних авторов, у которых на этот счет имеются некоторые разночтения, не несущие, однако, принципиального характера, не затрагивающие сущности вопроса. Обусловлены эти расхождения не политическими, конфессиональными или национальными причинами, а, как представляется, определенной разнохарактерностью и направленностью сочинений Корюна, Хоренаци и Каланкатваца и краткостью изложения ими имевшейся в их распоряжении информации.

Прежде всего, необходимо отметить, что, согласно письменным источникам, Месроп Маштоц явился инициатором разработки албанского алфавита с разрешения верховной светской и церковной власти Албании. Этим и было обусловлено внимание древних авторов именно к его личности. Вместе с тем письменные источники ясно указывают на коллективный характер этого творческого процесса, который начался, как сообщает Корюн, еще до прибытия Маштоца в Албанию: «Приехал к нему некий иерей, албанец по имени Вениамин. Он (Маштоц) расспросил его, расследовал варварские слова албанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письма (для албанцев) и милостью Христа успешно взвесил, расставил и уточнил» (19.16). После этого, по Корюну, Месроп отправился в Албанию и, «прибыл в местопребывание царей, повидался со святым епископом Алуанка, звали которого Иеремией, а также с их царем Арсвалом и всеми азатами...»; вслед за этим Асваген и Иеремия – «оба равные – епископ и царь, согласились принять эту письменность и издали приказ привезти из разных гаваров и местностей владычества своего отроков для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в школах, в удобных и надлежащих местах и назначить содержание на (их) пропитание» (19. С. 17).

В этом пассаже имеется ряд сведений, которые противоречат информации других источников. Прежде всего, следует, очевидно, признать, в противоположность данным Корюна, что встреча Маштоца и Вениамина носила, во-первых, преднамеренный характер, и, во-вторых, состоялась она в Албании, где они и приступили к разработке албанского письма. Такой взгляд выглядит наиболее логичным – без разрешения и обсуждения этого важнейшего для страны и церкви вопроса с верховной властью Албании Месроп Маштоц не мог предпринять самостоятельные действия, и случайная встреча не могла послужить тому основанием; создание алфавита преследовало, прежде всего, интересы духовенства и государственной власти. По Хоренаци и Каланкатваца, эта встреча состоялась уже по прибытии Месропа в Албанию – после того, как епископ Иеремия и царь Асваген дали согласие на создание алфавита, Месроп призвал «некоего Вениамина, одаренного переводчика, которого немедленно отпустил владетель Сюника юный Васак, при посредничестве своего епископа Анании» (18. II, 3; 32. III, 54).

Обращает внимание несколько большая осведомленность Хоренаци (нежели Корюна), который пользовался, по-видимому, и иными источниками и ввел в этот рассказ посредническую деятельность Васака Сюникского и епископа Анании. С другой стороны, оценивая информацию Корюна и Хоренаци, как взаимодополняющую, можно полагать, что поездке Месропа Маштоца в Албанию с целью получения согласия высшего руководства страны и последующей работы по созданию албанской азбуки предшествовало его знакомство с Вениамином и, вероятно, обсуждение ими этого вопроса.

У Корюна ясно просматривается второстепенная, посредственная роль Вениамина и первенствующее, определяющее значение личности Маштоца в процессе создания албанского письма, в чем отразился, как думается, характер его биографического сочинения, посвященного жизнедеятельности Маштоца и подчеркивающего его неординарные способности и деяния. С другой стороны, у Корюна отмечен творческий характер его деятельности по изобретению алфавита албанцев, который никак нельзя свести к «буквотворчеству» – Маштоц «расспросил его (Вениамина – М.Г.), расследовал варварские слова албанского языка». И в этом процессе «расследования слов албанского языка» Месропом центральную, ведущую роль, несомненно, играл «одаренный переводчик» Вениамин.

И Хоренаци, и Каланкатваци, хотя также предоставляют инициативу Маштоцу, тем не менее, в отличие от Корюна, подчеркивают участие в разработке албанской графики Вениамина, атаюке призванных «избранных отроков»: Месроп «с их помощью (т.е. Вениамина и учеников – М.Г.) создал письма гортанного, нелепого, варварского, грубейшего языка гаргаров» (32. III, 54; 18. II, 3: «[Месроп] с ними вместе создал письма для избилующего гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками языка гаргаров»; пер. С.Л.Ф. Dowsett (38. P. 69: «... with their aid he created an alphabet for the guttural, disjointed, barbarous, and harsh language of the Gargaracik'«).

Эти сведения, на мой взгляд, указывают на равнозначную оценку в изобретении оригинальной албанской письменности Месропа Маштоца, не владевшего албанской речью, но имевшего опыт создания алфавита, и священника Вениамина, не обладавшего таким опытом, но, бывшего «одаренным переводчиком» и, очевидно, в совершенстве знавшего не только родной язык, но и армянский. Преувеличение или преуменьшение роли одного из них в этом созидательном процессе неуместно, прежде всего, как в силу отсутствия конкретных данных, так и по причине взаимодополняющей и взаимообусловленной роли обоих просветителей – творцов албанского алфавита. И армянин Месроп, и албанин Вениамин, выражаясь словами А.Г. Периханян, «положили свой труд и талант на создание письменности» албанского языка.

Их вклад нашел яркое и соответственное отражение во внешней и внутренней форме албанского алфавита (см.: 27. С. 222-259, 294-320). На основе тщательного исследования вопросов образования албанского алфавитного порядка, реконструкции внешнего облика и фонетических значений, способа создания графем албанского алфавита С.Н. Муравьев пришел к заключению, что «албанский алфавит возник не стихийно, а является продуктом сознательного творчества (изобретением) определенного человека или коллектива, поставившего себе целью создать письменность для кавказско-албанского народа и взявшего для этого за основу азбуки двух других христианских народов Закавказья – армянскую и грузинскую**», что «сходство между фонологической системой удинского языка и ... системой звуковых значений албанского алфавита – несомненно» (27. С. 223, 238). Именно взаимодополняющая, двусторонняя целенаправленная творческая деятельность Месропа и Вениамина обеспечила создание алфавита, включившего 52 графемы (отобразившие определенные фонемы) и 2 лигатуры (отобразившие дифтонги) и адекватно, даже поразительно точно, отразившего сложную фонологическую систему и особенности албанского языка, все его фонетическое богатство. Для сравнения отметим, что пять столетий спустя известные лингвисты А.

Шифнер и А.М. Дирр не столь верно смогли определить звуковой состав его ближайшего наследника – удинского языка (16; 41). У них звуковой состав языка представлен 46 знаками, тогда как современные языковеды выделяют 52-53 (12; 13. С. 251-255; ср.: 29. С. 676-677). Оценка же Хоренаци, повторенная Каланкатваци, этого языка как «грубого, варварского, труднопроизносимого» – не более чем взгляд на специфический звуковой характер «изобилующего гортанными звуками» иноземного слога.

Оба автора – и Хоренаци, и Каланкатваци, как видно из приведенных выше цитат и опять-таки в отличие от Корюна, пишут не об албанском языке, а о гаргарском. Хотя в другом месте своего сочинения албанский автор (точнее – более поздний автор третьей книги «Истории албан») сообщает, что «блаженный Месроп создал албанские письмена» (18. III, 24). Сопоставление информации этих авторов (как и более поздних – Асохика, Вардана, Гандзакеци, Орбеляна), наличие одних и тех же действующих лиц недвусмысленно показывает, что речь идет о создании письменности одного языка, который в одном случае именуется албанским, а в другом – гаргарским.

Тем не менее эти сведения дали толчок для некоторых, националистически настроенных исследователей обосновывать идею о том, что Маштоц во время своей миссии в Албании создал два алфавита: армянский – для армян Агванка (Албании), о котором сообщает Корюн, именуя его албанским, и второй – для албан-гаргаров, о чем повествуют Хоренаци и Каланкатваци (25. С. 66-73, 193). Эта мысль, преподносимая в качестве аксиомы, не имеет под собой почвы, несмотря на утверждение А.Ш. Мнацаканяна, ее озвучившего, что «следует считать лишеными всякого основания негативное отношение и отдельные оговорки некоторых специалистов в отношении этого вопроса» (25. С. 193).

Иную точку зрения высказал А.А. Акопян, который полагает, что гаргары Хоренаци не являлись албанским племенем, что этот этноним употреблялся в пейоративном смысле для обозначения одного из варварских племен северо-восточного Кавказа (населения левобережной Албании и соседнего горного района), а термин «гаргарейский» использован им (Хоренаци) в качестве пятого пейоративного эпитета, характеризующего албанский язык (3. С. 73-74). Мне уже приходилось писать (9. С. 25-27) о том, что объявление этого этнонима пейоративным (уничжительным) термином противоречит данным письменных источников о гаргарах, как и идея об их (а также албан, удин) исконно тюркском происхождении, высказываемая некоторыми азербайджанскими исследователями (см., например: 6; 11; 17; 23).

В существовании конкретного племени, носившего наименование гаргары, не приходится сомневаться. Иное дело – происхождение этого этнонима, его этимология, характер (в том числе в хронологическом срезе), использование (иноземное обозначение, самоназвание). Здесь могут быть различные суждения. Известно, к примеру, сопоставление данного этнонима с созвучным термином в ряде дагестано-нахских (восточно-кавказских) языков, к которым относится и албанский – в цахурском, рутульском, в ряде аваро-андо-цезских, чеченском, ингушском и бацбийском языках для обозначения родственника, близкого (8. С. 152-153; 15. С. 53-54, 69-70; 22. С. 62). Однако из этого не следует считать, как это делали некоторые исследователи, что данный этноним обозначает нахскую племенную группу (см., напр.: 20. С. 74; 21. С. 41-42; ср.: 14; 31. С.238), и тем более не следует объявлять, что на нахском языке была создана письменность Кавказской Албании, а Месроп Маштоц был вайнахом (7).

Возможно, что в основе этого этнонима лежит корень *garǵ-*, дополненный суффиксом множественного числа *-ar*, характерным для ряда языков лезгинской группы (ср.: удин. *ǵarǵabyǵn* ‘юноша, молодой человек’, ‘храбрец, джигит’). Эта версия может подкрепляться, в частности, приводимым Ипполитом Портским (III в.) в перечне племен-потомков Иафета между албанами и эрраями (*эры* грузинских источников, *лтины* армянских авторов; см.: 10) этнонимом *гарганы* (*Jrrol. Chron.* 84), который соответствует этнониму *гаргары* и в котором восточнокавказский суффикс множественного числа *-ar* заменен на иранский *-an*.

Не исключено и то (правда, это маловероятно), что этноним *гаргар* происходит от иранского *gar* 'гора', дополненного суффиксом *-gar*, образующим личные имена. В данном случае этноним *гаргар* может переводиться как «горец» (ср.: самоназвание аварцев *магIурулал* «горцы», самоназвание горцев-чеченцев *ламарой* «горцы», *ломанан нах* «горские люди», кум. *таули*, *таулар* «горцы, аварцы»), а использование его Хоренаци в качестве эпитета для характеристики языка могло иметь как этническую основу, так и «условно-фонетическую» – т.е. горский язык, что в принципе синонимично соответствует характеристике его армянским автором как «изобилующего гортанными звуками» (ср.: авар, *гаргар* 'разговор', *гаргадизе* 'разговаривать'). Заметим также, что в Южном Дагестане расположена гора, носящая название *Гаргара*, и имеются тухумы, носящие имя *гаргарар*, а среди чеченцев представлен тейп с созвучным названием *хьаркъарой*.

Возможен и несколько иной взгляд на вопрос о том, чем было обусловлено, что Хоренаци, а вслед за ним и Каланкатваци говорят о создании алфавита гаргарского языка, а не албанского. Исходя из данных письменных источников об этническом составе Кавказской Албании, собственно об албанах и гаргарах, следует признать, что это были близкородственные племена, говорившие на разных диалектах (или говорах) одного языка, но и чем-то (элементами материальной, духовной культуры) отличавшиеся друг от друга, что и обусловило наличие у них самостоятельных этнонимов. Вопрос соотношения албанского и гаргарского языков не решаем из-за отсутствия лингвистических данных. Но, учитывая открытие профессором З. Алексидзе в монастыре св. Екатерины на Синае албанских рукописей начала V в. (4; 5; 35; 36), написанных на языке, близком, родственном современному удинскому (входящему в лезгинскую подгруппу дагестано-нахских языков), следует признать чрезвычайную близость албанского, гаргарского и древнеудинского языков, близкое этническое родство их носителей. Не случайно по этногенетической и генеалогической легенде, приводимой Хоренаци (II, 8), албаны, гаргары и утии (а также гардманцы и цавдеи) имеют одного прародителя-этнарха – Арана из рода Сисака.

Таким образом, в сообщениях Хоренаци и Каланкатваци можно видеть целенаправленный процесс не только создания албанской письменности, но и выбора общегосударственного литературного языка, в основу которого был положен гаргарский (диалект, говор), очевидно имевший широкое распространение и исторически выполнявший в Албании роль языка межнационального общения. В условиях полиэтничного состава и многоязычия Албании это было закономерным, необходимым актом. Подобный процесс у народов северо-восточного Кавказа имел место и в недавнем прошлом, когда встал вопрос о разработке новых алфавитов и выборе литературных языков: так, для лезгин в основу литературного языка лег гюнейский диалект, для аварцев – хунзахский, для даргинцев – акушинский.

Судя по данным письменных источников, в Албании были открыты школы для обучения новой письменности, на албанском языке и албанском письме была создана учебная и религиозная (христианская) литература, велась официальная переписка. Уже в процессе разработки алфавита, по сведениям Корюна, Хоренаци и Каланкатваци, по указу царя Асвагена и епископа Иеремии со всей страны были собраны дети для обучения новой азбуке. Биограф Маштоца сообщает, что вслед за созданием оригинальной албанской письменности «блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых (варварские) празднородящие и диких нравов люди страны Албании вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях» (19. 17). Это первое и наиболее раннее свидетельство создания переводной албанской христианской литературы, нашедшее документальное подтверждение в выявленном в наши дни албанском Лекционари, основой которого являются пассажи из книг Ветхого и Нового завета (4; 35). Вслед за этим и на основе этой литературы возникали новые

религиозные, литературные письменные памятники на албанском языке, которые переводились и на другие языки. Например, в Матенадаране представлено несколько армянских рукописей, озаглавленных «Об истории святого и божественного масла, которую написали отцы Востока албанским письмом и перевели на армянский язык» (1. С. 317-319; 2. С. 5). У истоков этой албанской (и шире восточно-кавказской) литературы и книжности стояли Месроп Маштоц и Вениамин.

В заключение отмечу, что обнаруженные древнеалбанские рукописи открывают новую страницу в исследовании не только албанского и удинского языков, но и в целом дагестано-нахских. Лингвисты получают уникальный материал, характеризующий состояние одного из восточно-кавказских языков полуторатысячелетней давности. Это открывает новые широкие возможности в изучении глоттохронологии, сравнительно-исторической грамматики и многих других вопросов дагестано-нахского языкознания. Наряду с этим введение в научный оборот новооткрытых рукописей, их издание, перевод, исследование предоставят важнейшую историческую информацию (прежде всего терминологического характера) для изучения вопросов социального, экономического и культурного развития Кавказской Албании.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В основу статьи положен доклад «Месроп и Вениамин – создатели албанской письменности», представленный на Международной научной конференции «Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии», посвященной 80-летию Института ЯЛИ ДНЦ РАН (Махачкала, 7-8 октября 2004 г.), и написанный в рамках проекта 5-5.2. «За плечами многоязычного Дагестана тысячелетний опыт культуры письма (История письма в Дагестане)» (рук. проекта – акад. Г.Г. Гамзатов) Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

** Ныне проф. З. Алексидзе установил, что албанские литеры имеют близкое сходство не только с грузинскими (19 букв) и армянскими (10 букв), но и с эфиопскими (14 букв) (37).

О Возведение Мовсесом Хоренаци Арана Сисакида к Хайку – прародителю армян, так же как и объявление Леонтием Мровели Гаоса (Хайка) главным и старшим в ряду перечисленных им братьев-эпонимов – потомков Иафета и Ноя (26. С. 3,21-23), не более чем, как мифическая библейская родословная, а не указание на этническую принадлежность древнего населения правобережной Албании и, в частности, провинции Утик (Отена античных авторов) к армянскому народу (см.: З. С. 81, 82, 144-147). Вместе с тем имеющее, очевидно, древнюю основу и письменно зафиксированное Хоренаци и Мровели предание о родстве древнеармянских, древнегрузинских и древнедагестанских племен, возможно, отразило реальные процессы этнической миксации «потомков Тогармы-Торгома-Таргамоса». Сомневаться в хуррито-урартском (как правосточнокавказском) компоненте в формировании и развитии древних армянского (прежде всего) и картвельского этнических массивов не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуладзе И.* Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев // Сообщения Груз, филиала АН СССР. 1940. Т. 1. № 4.
2. *Абрамян А.Г.* Дешифровка надписей кавказских албан. Ереван, 1964.
3. *Акопян А.А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1983.
4. *Алексидзе З.* Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе // History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. № 1. Baku, 2001.

5. *Алексидзе З.* Что может рассказать об истории церкви Кавказской Албании обнаруженный на Синайской горе грузино-албанский палимпсест // *History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac.* № 2. Baku, 2002.
6. *Алиев К.Г.* Этюды о населении древнего Азербайджана // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984.
7. *Арапиев С.* О письменности гаргарейцев // *Сердало.* 13 ноября 1997 г.
8. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
9. *Гаджиев М.С.* Современные тенденции в изучении проблемы этнической дефиниции племен Кавказской Албании // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тез. докл. научной конференции. Махачкала, 1997.
10. *Гаджиев М.С.* Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). Махачкала, 1998.
11. *Гейбуллаев Г.А.* К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии) // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984.
12. *Гукасян В.Л.* Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
13. *Гукасян В.Л.* Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
14. *Гумба Г.Д.* Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII века»), Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1988.
15. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.
16. *Дирр А.М.* Грамматика удинского языка // СМОМПК. Вып. XXXIII. Тифлис, 1904.
17. *Исмаил (Исмаилов) М.А.* Разбой среди белого дня. Об опусе «Кавказская Албания – Лезгистан». Баку, 1998.
18. *Каланкатуаци Мовсэс.* История страны Алуанк Пер. с древнеарм., предисловие и комментарии Ш.В. Смбатяна. Сличение с критическим текстом и редакция С. А. Авакяна. Ереван, 1984.
19. *Корюн.* Житие Маштоца Пер. Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджянна; предисловие К.А. Мелик-Оганджянна. Комментарии Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1962.
20. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
21. *Крупнов Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961.
22. *Климов Г.А., Халилов М.Ш.* Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. М., 2003.
23. *Мамедов Т.М.* Кавказская Албания в IV-VII вв. Баку, 1993.
24. *Мачавариани Е.М.* Графические основы грузинского алфавита. Тбилиси, 1982.
25. *Мнацаканян А.Ш.* О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.
26. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей Пер. с древнегруз.; предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.
27. *Муравьев С.И.* Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Вып. VIII. Тбилиси, 1981.
28. *Окромчеделов-Серебряков И.Л.* Об изобретении грузинского алфавита // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. Под ред. графини Уваровой. М., 1887.
29. *Панчвидзе В.Н., Джейранишвили Е.Ф.* Удинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
30. *Периханян А.Г.* К вопросу о происхождении армянской письменности // Переднеазиатский сборник. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. М., 1966.

31. Трубачев О.Н. Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica (в соавторстве с А.К. Шапошниковым) // Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
32. Хоренаци Мовсес. История Армении Пер. с древнеарм., введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
33. Церетели Г.В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита // Эпиграфика Востока. 1948. Т. II.
34. Церетели Г.В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита // Эпиграфика Востока. 1949. Т. III.
35. Alexidze Z. Preliminary account on the identification and deciphering of the Caucasian Albanian text discovered on the Mount Sinai // History of the Caucasus. The Scientific-Public Al-manac. №1. Baku, 2001.
36. Alexidze Z. What a Georgian-Albanian Palimpsests, Discovered in St. Catherine Monastery of Mt. Sinai, Can Tell Us About the History of the Caucasian Albanian Church // History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. №2. Baku, 2002.
37. Alexidze Z. and Blair B. The Albanian Script. The Process - How Its Secrets Were Revealed // Azerbaijan International Magazine. Summer 2003 (11.2).
38. The History of the Caucasian Albanians by MOVS3S Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. London, 1961.
39. Junker H. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und der georgischen Schrift // Caucasia. 1925. №2.
40. Junker H. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und der georgischen Schrift // Caucasia. 1926. №3.
41. Schifner A. Versuch uber die Sprache der Uden // Mmoires des l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. VIII Serie. T. VI. № 8. SPb., 1863.

Памятник Месропу Маштоцу в Ереване